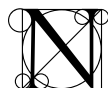

ДЖОН ГРИШЭМ

ДЖОН ГРИШЭМ
ПОВЕСТКА

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham
THE SUMMONS

Перевод с английского *Ю. Г. Кирьяка*
Компьютерный дизайн *А. А. Кудрявцева*
Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernet Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Повесть : [роман] / Джон Гришэм ; [пер. с англ. Ю. Г. Кирьяка]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-100526-9

Когда-то судья Этли был одним из самых влиятельных людей в своем округе. Теперь он — лишь тень самого себя, больной и одинокий старик, доживающий последние дни.

Так зачем ему понадобилось вызывать к себе своих сыновей, Рэя и Форреста, официальной повесткой? Неужели, чтобы обсудить с ними свое завещание?

Отложив дела, братья отправляются к отцу. И тут выясняется, что отец внезапно скончался, а в доме спрятаны... миллионы долларов.

Какие опасные тайны скрывал старый судья? На этот вопрос пытается найти ответ Рэй, нашедший клад и решивший сохранить это в секрете. Но очень скоро выясняется, что он принял совсем не лучшее решение...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© John Grisham, 2002

© Перевод. Ю. Г. Кирьяк, 2016

ISBN 978-5-17-100526-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Послание доставили обычной старомодной почтой — судье было почти восемьдесят, к тому же он не доверял современным новшествам типа электронной почты или факсов. Ни разу в жизни он не пользовался автоответчиком и вообще старался как можно реже подходить к телефону. Всю свою корреспонденцию он отстукивал двумя пальцами на древнем «Ундервуде», сидя за разохшимся бюро под портретом Натана Бедфорда Форреста*. Во времена Гражданской войны дед судьи плечом к плечу с Форрестом участвовал в битве при Шило**, и даже сейчас во всей истории страны для его внука не существовало фигуры более значительной. На протяжении тридцати двух лет судья с неизменной твердостью отказывался вести какие-либо дела в день 13 июля — день рождения генерала.

* Натан Бедфорд Форрест (1821—1877) — торговец скотом, затем работорговец. Дослужился до звания генерала армии южан в ходе Гражданской войны 1861—1865 гг. По ее окончании стал организатором и первым великим магом Ку-клукс-клана. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Национальный военно-исторический парк, разбитый на месте знаменитого сражения 1862 г. Расположен в двух с половиной часах езды от Мемфиса, штат Теннесси.

Вместе с толстым журналом и счетами за электроэнергию письмо лежало в канцелярии юридического факультета, в ячейке профессора Рэя Этли. Конверт профессор узнал сразу: точно такие он получал еще студентом. Других отец, которого он, как и все остальные, называл просто судьей, не признавал.

На мгновение профессор задумался: вскрыть конверт сразу или сделать это чуть позже? Зная судью, определить, хорошие в письме новости или плохие, он не мог. В последние годы отец здорово сдал, так что рассчитывать на добрые вести не приходилось. Судя по толщине конверта, в нем находился, как обычно, один-единственный листок бумаги. Судья никогда не отличался пристрастием к эпистолярному жанру, хотя в былые времена обращал к присяжным пространные и почти страстные речи.

Без сомнений, письмо было чисто деловым. Пустословия судья не выносил ни в беседе, ни на бумаге. Попивая с сыном на крыльце дома чай со льдом, он неизбежно заводил разговор о давних баталиях, о Шило. Вину за поражение конфедератов отец возлагал исключительно на франтоватого генерала Пьера Борегарда*, человека, к которому он испытывал бы ненависть даже на небесах — если бы, волей случая, они там встретились.

Жить судье оставалось недолго. Рак желудка прогрессирует медленно, но верно. Избыточный вес,

* Пьер Гюстав Тутан де Борегард (1818—1893) — генерал армии конфедератов, командовал войсками в Чарлстоне (штат Южная Каролина). Потребовал капитуляции форта Самтер и, получив отказ, приказал открыть по нему огонь, что стало началом Гражданской войны (12 апреля 1861 г.). Успешно оборонял подступы к Ричмонду в 1864 г., но на западе не смог противостоять войскам генерала Шермана.

диабет, вечно дымящаяся во рту трубка, больное сердце (выдержавшее тем не менее три инфаркта) и множество других хворей, которые мучили его уже почти двадцать лет, предвещали скорый конец. Накатывавшая когда-то приступами боль стала неотступной. Три недели назад, во время их последнего разговора (звонил, конечно, Рэй — междугородные звонки судья считал непозволительной роскошью), голос отца звучал в телефонной трубке довольно невнятно. Они не проговорили и двух минут.

Обратный адрес был оттиснут на конверте золотом: Ройбен В. Этли, председатель суда, округ Форд, Клэнтон, штат Миссисипи. Рэй сунул конверт под гляцевую обложку журнала и вышел из канцелярии. Никаким председателем суда отец давно не был: девятью годами ранее избиратели отправили его в отставку, и от этого удара Ройбен Этли так и не оправился. Подумать только — тридцать два года безупречной службы, и досточтимые сограждане решили променять его на какого-то бойкого молодого человека, о котором узнали из рекламных плакатов! Судья наотрез отказался принять участие в избирательной кампании. Сказал, что ему и без того хватает работы, что люди его знают и, если захотят, переизберут. Такую позицию многие сочли вызывающей. Получив всего одну пятую голосов, Ройбен Этли оказался не у дел.

На то, чтобы выселить его из здания окружного суда, потребовалось три года. Располагавшийся на втором этаже кабинет уцелел при большом пожаре и каким-то чудом даже избежал ремонта. Судья просто не пустил туда ни плотников, ни маляров. Когда власти все-таки убедили Этли оставить помещение (в противном случае они грозили выдворить его силой), он набил картонные коробки из-под блоков сигарет ско-

пившимися за тридцать лет работы никому не нужными папками, блокнотами, старыми справочниками и перетащил бесполезный архив к себе домой. Разместить все это богатство в одной комнате не удалось, от его тяжести прогибались полки стеллажей в коридорах, гостиной и даже в прихожей.

Рэй приветственно кивнул знакомому студенту, обменялся парой слов с коллегой, вошел в свой кабинет и запер дверь на ключ. Положив корреспонденцию на стол, он снял пиджак и повесил на ручку двери, окинул взглядом хаотическое нагромождение книг. Черт побери, нужно все-таки выкроить время и навести хотя бы минимальный порядок.

Обстановка кабинета состояла из небольшого письменного стола, рабочего кресла и крошечной софы. Заваленный бумагами стол наводил на мысль, что хозяин его — человек чрезвычайно занятой. Но думать так было бы ошибкой. В весенний семестр Рэй читал лишь один курс — по антитрестовскому законодательству. Считалось, правда, что он пишет очередное исследование о промышленных монополиях. Труд был явно обречен на забвение, зато добавил бы лишнюю строку в список его научных публикаций. Как всяким уважающим себя профессором, Рэем двигало неизбывное правило академической жизни: «Печатайся либо канешь в безвестность».

Опустившись в кресло, он локтем сдвинул к краю стола бумаги.

Письмо было адресовано Н. Рэю Этли, профессору юридического факультета Виргинского университета, Шарлотсвилл, Виргиния. Буквы «о» и «е» в тексте выглядели совершенно одинаковыми черными кружками. Новая лента «Ундервуду» отца требовалась

уже лет десять, а шрифт в машинке не чистили, наверное, ни разу. Литера «Н» означала «Натан», в честь генерала Форреста, однако знали об этом единицы. Самая громкая ссора между отцом и сыном произошла тогда, когда по окончании школы молодой человек решил отказаться от первой части своего имени и идти по жизни всего лишь Рэем.

Все свои письма судья упрямо адресовал в университет, ни единым посланием не удостоив квартиру в центре города, которую занимал сын. Судья с большим почтением относился к научным степеням, званиям, титулам и прочим регалиям, свидетельствующим о статусе. Он хотел, чтобы жители Клэнтонна, хотя бы почтовые служащие, были в курсе, что его сын не кто-нибудь, а профессор юриспруденции. Впрочем, преподавал Рэй уже четырнадцатый год, и все в округе Форд, для кого данный факт что-то значил, об этом помнили.

Вскрыв конверт, он вытащил белый стандартный лист. В верхней его части типографским способом были отпечатаны строки с именем судьи, названием его прежней должности и полным адресом — за вычетом почтового кода: старик питал неизъяснимое отвращение к цифрам.

Обращался отец в письме к Рэю и его младшему брату Форресту — плодам неудачного брака, закончившегося в 1969 году со смертью их матери. Послание, как обычно, было кратким:

«Позаботьтесь о том, чтобы прибыть в воскресенье седьмого мая к пяти пополудни в мой кабинет для обсуждения вопроса о поместье.

Искренне ваш,

Ройбен В. Этли».

Гордая и четкая когда-то, выведенная готическими буквами подпись выглядела поблекшей и неуверенной. На протяжении многих лет благодаря ей вступали в силу решения, коренным образом менявшие жизни сотен, если не тысяч, людей. В свершившийся факт эта подпись превращала супружеские разводы, усыновление детей, лишение родительских прав. Она разрешала споры земельных собственников, мелкие семейные дразги или проблемы, которые вспыхивали между кандидатами на выборные должности. Она служила олицетворением закона. Росчерк судьи был отлично известен жителям округа Форд. Но сейчас он свидетельствовал лишь о старческой немощи.

Рэй знал, что в любом случае явится на зов. Только что он получил повестку, и как бы эта повестка, диктат отцовской воли, ни раздражала, сомнений не оставалось: в указанный час вместе с братом он предстанет перед его честью, чтобы выслушать очередную лекцию. Когда судья назначал кому-то время, он считался только с собственными интересами. Мнения других людей его не волновали.

По-видимому, судьям вообще мало присуще проявление заботы об удобствах и нуждах простого человека. Подобный склад характера объясняется постоянным общением с нудными и ленивыми адвокатами, себялюбивыми истцами и ответчиками, с нерешительными, вечно колеблющимися присяжными. Членами собственной семьи Ройбен В. Этли всегда управлял точно так же, как переполненным залом суда. Именно поэтому Рэй предпочел преподавать право в Виргинии, вместо того чтобы остаться практикующим юристом в Миссисипи.

Он еще раз прочел текст повестки, а затем отложил лист бумаги в сторону, поднялся и подошел к окну. Кусты жасмина во дворе стояли в полном цвету. Особого раздражения письмо отца не вызвало, ощущалось лишь чувство слабой горечи: судья так и не сумел избавиться от замашек деспота. Ладно, Господь с ним. Сколько старик еще протянет? Пусть потешит себя. Предстоящая поездка домой, наверное, одна из последних.

Поместье судьи всегда окутывала некая таинственность. Главной его достопримечательностью являлся, конечно, дом, построенный еще до войны руками того самого Этли, что сражался бок о бок с генералом Форрестом. На тенистой улочке где-нибудь в Атланте особняк стоил бы не меньше миллиона долларов — но только не в Клэнтоне. Дом стоял посередине заросшего диким кустарником участка в пять акров, который находился всего в трех кварталах от центральной городской площади. Полы в доме давно покоробились, крыша протекала, стены на памяти Рэя не красились ни разу. Продать эту недвижимость можно было от силы за сотню тысяч, причем безрассудный покупатель потратил бы вдвое больше, чтобы как-то приспособить особняк к жизни. Поселиться там не решился бы ни один из братьев, тем более что под отчим кровом Форрест не бывал уже лет десять.

Поместье носило гордое название — «Кленовая долина», как если бы представляло собой ухоженное владение со штатом прислуги, куда не реже раза в неделю съезжаются на званый ужин именитые гости. Последней работницей в доме была Ирен. Когда четыре года назад Ирен умерла, наводить порядок в комнатах стало некому и мебель покрылась толстым

слоем пыли. Судья платил двадцать долларов в неделю местному алкоголику, чтобы тот регулярно подстригал траву, однако газон выглядел не лучшим образом. По мнению забулдыги, за восемьдесят долларов в месяц от него требовали слишком многого.

Насколько Рэй помнил, мать всегда звала особняк «Кленовой долиной». Обеды давали не дома, а в «Кленовой долине», да и проживало семейство Этли не на Форс-стрит, а в «Кленовой долине». Немногие из горожан Клэнтон могли похвастаться тем, что их обителище носит собственное имя.

Когда жизнь матери оборвала аневризма, гроб с телом установили в гостиной. За два дня через особняк проследовал почти весь город. Со скорбными лицами люди шли через гостиную и оказывались в столовой, где их ждали кувшины с пуншем и разложенные на больших блюдах куски бисквита. Спрятавшись на чердаке, Рэй и Форрест в душе проклинали отца, который устроил подобный спектакль: ведь лежавшая в гробу молодая красивая женщина приходилась им как-никак матерью.

С мальчишеской поры Форрест именовал поместье не иначе как «Кленовой руиной». Красные и желтые клены, что некогда в изобилии росли на участке и окаймляли его, погибли от неизвестной болезни. Деревья спилили, но никому не пришло в голову выкорчевать пни: теперь они медленно превращались в труху. Окна парадного фасада затеняли четыре раскидистых дуба. С приходом осени листва облетала, однако никто ее не убирал. Время от времени какой-нибудь из исполинов терял прогнившую ветвь. Она с грохотом падала на крышу и, зацепившись за каминные трубы, оставалась там долгие годы. Годы шли, особняк вет-

шал, но какая-то необъяснимая сила удерживала его от окончательного разрушения.

Даже в теперешнем своем состоянии дом с портиком не утратил привлекательности. Величественный памятник собственному создателю, сейчас он служил печальным свидетельством былой славы семьи. Рэй с этим зданием уже ничто не связывало. Для него родовое гнездо являлось всего лишь источником безрадостных, разочаровывающих воспоминаний; каждый очередной приезд погружал в пучину тяжелой депрессии. Перспектива возвращения поместьем утраченного блеска представлялась ему черной дырой, которая без следа поглотит любые деньги. Нет, единственное разумное решение — пустить особняк под нож бульдозера. Что же касается брата, то Форрест скорее согласился бы сжечь дом, чем стать его новым владельцем.

Однако судья твердо рассчитывал передать поместье Рэю. «Кленовая долина» не должна уйти из семьи! На протяжении последних пяти или шести лет данная тема обсуждалась неоднократно, хотя формулировки обеих сторон звучали довольно туманно. Рэю не хватало мужества задать отцу простой вопрос: о какой семье идет речь? Дети сыновья так и не обзавелись. После развода Рэй не утруждал себя поисками достойной половины, а Форрест, расставшись с законной супругой, некоторое время наслаждался в компании многочисленных подружек — чтобы, нагулявшись, удовольствоваться необременительным совместным проживанием с толстухой художницей, которая была на двенадцать лет старше его.

Факт отсутствия отпрысков у младшего брата являлся, бесспорно, биологическим феноменом. Рэй, во всяком случае, ни о каких племянниках не слышал.

Линия рода Этли истончалась и грозила сойти на нет, но Рэя это не волновало. Он жил ради себя — не ради фантазий отца или героического прошлого своих предков. В следующий раз он приедет в Клэнтон только на похороны.

Разговора о каком-либо ином наследстве между отцом и сыном не возникало ни разу. Семейство считалось когда-то весьма состоятельным, однако деньги растаяли в воздухе задолго до рождения Рэя. Со времен Конфедерации Этли владели земельными наделами, плантациями хлопка, рабами, пароходами, банками, но к концу двадцатого века все эти активы расплылись и в плане наличных денег оказались равны нулю. Молва же упорно продолжала твердить о «наследственных капиталах».

Когда Рэю исполнилось десять лет, мальчик вдруг осознал, что родители его живут далеко не бедно. Отец — судья, дом имеет название. В Миссисипи это означало лишь одно — богатство. До своей кончины мать сумела убедить сыновей, что они по своему положению намного выше других. У них есть особняк, они пресвитериане и отдыхать каждый третий год ездят во Флориду. Семейные торжества привыкли справлять в Мемфисе, в зале роскошного ресторана отеля «Пибоди». И одежда на них — самая лучшая.

А потом Рэй решил продолжить учебу в Стэнфорде*. Пелену с глаз сорвала фраза отца:

— Это мне не по плечу.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказал. Стэнфорд мне не по плечу.

* Частный университет, один из лучших в США. Расположен в штате Калифорния, к югу от Сан-Франциско.

— Не понимаю.

— Тогда скажу проще: можешь учиться где хочешь. Если выберешь колледж в Сьюани, я готов оплатить твою учебу.

Не отягченный родительскими деньгами, Рэй отправился в Сьюани, куда отец отсылал ему сумму, едва достаточную для оплаты лекций, учебников и весьма скромного проживания. Юридический факультет молодой человек оканчивал в Тулейне*, подрабатывая официантом ночного бара во Французском квартале.

На протяжении тридцати двух лет отец получал жалованье председателя окружного суда. Его должностной оклад считался одним из самых низких в стране: больше зарабатывал даже таксист. Еще в Тулейне Рэй прочел как-то отчет о расходах на содержание судебного аппарата и с горьким недоумением обнаружил, что годовой доход судьи в Миссисипи составлял около пятидесяти двух тысяч долларов, тогда как по стране в целом он равнялся девяноста пяти.

Овдовев, отец денег на содержание дома почти не тратил и обходился без вредных привычек — если забыть о трубке, которую набивал самым дешевым табаком. Ездил он на стареньком «линкольне», ел, причем в изрядных количествах, дурно приготовленную пищу, носил черные костюмы, что были сшиты еще в пятидесятых, и знал единственную страсть — благотворительность. Судья копил деньги лишь для того, чтобы пожертвовать их другим.

Никто не знал, какими суммами исчислялась его благотворительность. Десять процентов дохода авто-

* Престижный частный университет в Нью-Орлеане, штат Луизиана.